

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

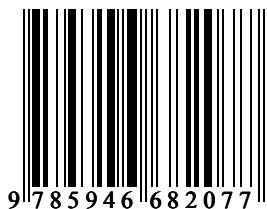
Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

Вообще либертинаж — достаточно сложное и многообразное явление, различные его компоненты по-разному эволюционировали в обществе и по-разному изображались в литературе, которая не могла поэтому представить единую модель либертинского поведения. В VII строфе четвертой главы «Онегина» об этом явлении говорится с крайним презрением:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.
Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хваленых дедовских времен:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблуков
И величавых париков.

(VI, 75)

Тем не менее для характеристики Онегина Пушкин неоднократно, как мы видели, пользуется приемами, почерпнутыми из французской либертинской литературы, и сам протагонист являет порой черты либертина.

Андрей Добрицын

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ОТРЫВКАМ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ОНЕГИНА»

Речь пойдет об одном стихе из одесских строф «Отрывков из путешествия Онегина».

*Но мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов,
Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов.*

Что устрицы? пришли! О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых,
Слегка обрызгнутых лимоном.
Шум, споры — легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном;
Часы летят, а грозный счет
Меж тем невидимо растет.

(VI, 204)

Прислушавшись внимательно к первой, столь знакомой нам строке «Но мы, ребята без печали...», вдруг начинаешь ощущать, что для русского уха она звучит несколько странно, не совсем по-русски. Казалось бы, естественнее было бы сказать «беззаботные», «озорные», «веселые», «беспечные» ребята. Как-нибудь так. В выражении «ребята без печали» присутствует какая-то неправильность. Рассмотрим его с грамматической точки зрения. «Без печали» — это несогласованное определение к слову «ребята». Какие ребята? — без печали. Данное несогласованное определение выражено именем существительным в родительном падеже с предлогом «без», который в форме несогласованных определений обычно не используется. У Лермонтова («Была без радости любовь, / Разлука будет без печали») и у Блока («Они расстались без печали...») «без радости» и «без печали» являются не определением, а дополнением и потому не вызывают ощущения неестественности. Расстались без чего? — без печали. В то время как в пушкинском примере несогласованность определения со словом «ребята» как раз и придает строке некоторую странность. Поэтому «ребята без печали» представляется мне калькой. Это словосочетание можно рассматривать как один из галлицизмов, активно начавших пополнять русскую лексику с XVIII в. Пушкинский галлицизм оформлен в грамматической форме, свойственной французскому языку: с использованием несогласованного определения. Не соглашаясь с существительным («ребята»), он состоит из существительного («печаль») в родительном падеже с предлогом «без», что вполне естественно для французского языка и неестественно для русского.

Обратившись к комментариям к роману (Н. Л. Бродский, В. В. Набоков, Ю. М. Лотман), мы обнаруживаем, что стих «Но мы, ребята без печали...» в них не комментируется. Комментируются «устрицы», ожидаемые «от цареградских берегов», комментиру-

ется «услужливый» ресторатор Отон, входящие в эту же строфу, а «ребят без печали» нет. Не комментируется этот стих и в энциклопедических изданиях, посвященных «Евгению Онегину».¹ Ничего не пишут о нем в своей книге «Лексика и фразеология “Евгения Онегина”» И. Г. Добродомов и И. А. Пильщиков, которые особое внимание уделяют иноязычным, заимствованным словам и «темным местам» пушкинского романа.² Поиск в словарях и справочниках, в том числе в «Историческом словаре галлицизмов русского языка» Н. И. Епишкина,³ не приносит результата. В национальном корпусе русского языка «ребята без печали» упоминаются единственный раз в разделе поэтического корпуса с примером из «Евгения Онегина».

Признав, что «ребята без печали» — это галлицизм, причем чрезвычайно редкий, если не единичный (его можно назвать авторским галлицизмом), возникает необходимость в поиске его французского эквивалента.

Такой источник обнаруживается без особого труда — и в первую очередь в работах, посвященных позднему французскому средневековью. Ученые, занимающиеся этим периодом французской литературы и культуры, обычно не проходят мимо выражения «les enfants sans souci», что переводится как «ребята без хлопот, без забот, без печали». И во французской речи это звучит вполне естественно: *C'est un sans-souci* — это самый беззаботный, беспечный человек. Поэтому неудивительно, что авторы русскоязычных работ, пишущих о явлении «les enfants sans souci», обычно переводят это словосочетание как «беззаботные ребята», «беспутные ребята», «беспечные ребята».⁴ В середине и во второй половине XV в. так называлась парижская группа уличных актеров, которая продолжила традицию корпораций «дураков». В нее входили разные слои парижского населения: студенты, ремесленники, купцы, а также бродяги и различного рода маргиналы. Эта группа разыгрывала на улицах сатирические комедии *sotie*, ее члены вели беспутную жизнь, пьянствовали, устраивали скандалы, которые нередко заканчива-

¹ См.: Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Материалы к энциклопедии / Ред. М. В. Строганов. 2-е изд., испр., доп. Тверь, 2003; Онегинская энциклопедия / Под общ. ред. Н. И. Михайловой. М., 2004. Т. 1—2.

² См.: Добродомов И. Г., Пильщиков И. А. Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. М., 2008.

³ См.: Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М., 2010.

⁴ Кстати, одно из значений слова *беспечный* — «без печали», «веселый» — происходит от слав. *печа* («печаль»).

лись поножовщиной и даже убийствами. По причине безобразного их поведения в 1612 г. деятельность «беспутных ребят» была запрещена.⁵

В текстах Пушкина выражение «*enfants sans souci*» отсутствует. Не удалось мне обнаружить это словосочетание и у литераторов пушкинского времени. Французское средневековье не слишком их интересовало, и потому люди, события и явления жизни этого периода не были им широко известны. В течение первых десятилетий XIX в. гораздо большее внимание уделялось авторам XVII и XVIII столетий.

И все же если Пушкин использует в своем творчестве галлицизм, по смыслу соотносящийся с выражением, означающим культурное явление XV в., то есть все основания предположить, что он опирается на какие-то уже известные к этому времени источники. И потому посмотрим, когда появился этот стих и что Пушкин мог знать ко времени его появления.

Стих «Но мы, ребята без печали...» входит в одну из одесских строф «Путешествия Онегина», написанных в 1825 г. в Михайловском и напечатанных в 1827 г. в «Московском вестнике» под названием «Одесса» как отрывок из седьмой главы «Онегина».⁶ Этот отрывок не раз переделывался, и считается, что окончательно он был завершён в 1830 г. в Болдине. Однако интересующая нас строка была уже в «Московском вестнике», а это значит, что создана она в 1825 г. в Михайловском.⁷

Рассмотрим источники, в которых Пушкин мог встретиться с выражением «*enfants sans souci*». Не исключено, что Пушкин узнал его еще в Лицее. Главным и обязательным пособием лицейстов по французской литературе был «Лицей» Ж.-Ф. де Лагарпа (Lagarpe; 1739–1803). Как пишет Б. В. Томашевский, в Лицее «настолярными книгами в преподавании были курс истории литературы ригористического приверженца классицизма Ж.-Ф. де Лагарпа и пособия по поэтике вроде “Французской поэтики” (“*Poétique française*”, 1804) Л. Домерона (Domergon; 1745–1807)».⁸ «Лицей» Лагарпа был для лицейстов не просто учебным курсом. Это был непререкае-

⁵ См.: История западноевропейского театра / Под ред. С. С. Мокульского. М., 1959. Т. 1. С. 107–110.

⁶ Московский вестник. 1827. Ч. 2, № 6. С. 114–118.

⁷ См.: Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 389.

⁸ Место французской культуры в жизни и творчестве Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18–19. С. 345 (статья составлена по работам Б. В. Томашевского, с дополнениями).

мый авторитетный источник, о чем, в частности, вспоминает Кюхельбекер: «...одним только Лагарпом одобренные образцы имели у нас достоинство».⁹ Лагарп упоминает «беспутных ребят» в общем ряду с другими театральными труппами XV в., хотя и без каких бы то ни было подробностей: «Mon dessein n'est pas de faire l'histoire de ce qu'on appelle les premiers âges du théâtre français. On ne doit pas même donner se nom aux tréteaux des *confrères de la Passion, des enfants sans souci et des clerks de la Bazoche*».¹⁰ Но само выражение «enfants sans souci» вполне могло отложиться в сознании юного Пушкина, который, кстати, писал о Лагарпе в «Городке»: «Но часто, признаюсь, / Над ним я время трачу».¹¹

В какой-то мере еще в лицейские годы Пушкин был знаком и с Клеманом Маро (Clément Marot; 1496–1544). В 1814 или 1815 г. он написал стихотворение «Старик. (Из Марота)», представляющее собой переложение эпиграммы Маро «О себе» («De soi-meme»). А Маро входил в корпорации актеров-любителей, в том числе и в группу «беззаботных ребят», о которых написал «Ballade les enfants sans souci».¹²

Несколько более подробно, чем Лагарп, пишет о «беспутных ребятах» Ж.-Ф. Реньяр (Regnard; 1665–1709), посвятивший им полуторастраничную заметку «Des enfants sans souci».¹³ В библиотеке Пушкина было собрание сочинений Реньяра 1802 г., но когда эта книга была приобретена, неизвестно.¹⁴

Все перечисленное свидетельствует о том, что информация об *enfants sans souci* не была погребена где-то в культурной толще, а лежала на поверхности, и потому можно не сомневаться, что к 1825 г., когда создавалась строфа «Но мы, ребята без печали...», с выражением «enfants sans souci» Пушкин встречался не раз.

Таким образом, словосочетание «enfants sans souci» могло быть известным Пушкину по разным каналам. Одним из возможных ис-

⁹ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. С. 434. (Литературные памятники).

¹⁰ «В мои намерения не входит представлять историю того, что именуется начальной эпохой французского театра; не стоит называть этим именем балаганы, Братства Страстей, Беззаботных ребят и Клириков Базоши» (Lagarpe J.-F. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris, 1799. Т. 4. Р. 184; пер. М. Неклюдовой).

¹¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 91.

¹² См.: *Sainte-Beuve Ch.-A. Tableau historique et critique de la Poésie française au seizième siècle.* Paris, 1828. Т. 1. Р. 258–260; *Preisig F. Clément Marot et les métamorphoses de l'auteur à l'aube de la Renaissance.* Genève; Droz, 2004. Р. 30.

¹³ *Regnard J.-F. Œuvres.* Paris, 1823. Т. 6. Р. 325–326.

¹⁴ См.: *Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание.* СПб., 1910. С. 319.

точников представляются и сведения о биографии Франсуа Вийона (Виллона или Вильона, как его тогда называли) (Villon; 1431 или 1432 — после 1463). Принадлежа вначале к парижской студенческой богеме, Вийон после исключения из университета ведет разгульную и бродячую жизнь. В стихах Вийона, написанных на воровском жаргоне (язык «кокийяров»), нередко находили указания на принадлежность автора к сообществу «*Enfants sans souci*».¹⁵

В начале XIX в. до русского читателя доходили весьма поверхностные сведения, источником которых были тексты французских авторов XVII—XVIII вв. Но внимание Пушкина в годы учебы привлекало не столько творчество, сколько имя Вийона. В качестве поэта русские читатели его знали мало, в то время как авантюристичность и запутанность его биографии, экстравагантность личности, его бурные похождения провоцировали создание анекдотов о нем и приписывание ему чужих текстов. Как писал Б. В. Томашевский, «сведения, которыми располагал Пушкин о Вийоне, не выходят за пределы того, что говорится о нем у Буало и Лагарпа, но в общем, по-видимому, не свидетельствуют о близком знакомстве с его произведениями».¹⁶ И все же кое-что о Вийоне он знал, в частности по Реньяру, Лафонтену и даже Мольеру.

Наверняка знал Пушкин Вийона по «Поэтическому искусству» Буало (Boileau-Despréaux; 1636—1711), выделившего его на

¹⁵ Прежде всего, в качестве такого указания рассматривалось упоминание у Вийона «принца дураков» (Prince de Sots — персонаж фарсов и шутейный титул главы сообщества «Беспечальных ребят»), кроме того, знаменательно его обращение к товарищам по шайке — «*galants sans souci*» (так иногда называли и актерское сообщество «*Enfants sans souci*»). Однако до середины XIX в. прямое участие Вийона в названном сообществе постулировалось чрезвычайно редко (см., например, популярный сборник театрально-критических статей Шарля Депре де Буасси: *Desprez de Boissy Ch. Lettres sur les spectacles avec une histoire des ouvrages pour et contre les théâtres*. 7me éd. Paris, 1780. Т. 2. P. 86—87). Более широкое хождение эта гипотеза приобрела с 1850-х гг., когда стал возрождаться интерес к беспутному французскому поэту (см., в частности: *Fabre A. L. Etudes historiques sur les clercs de la Bazoche*. Paris, 1856. P. 199—203). В современной литературе это предположение подчас трактуется как доказанный факт.

¹⁶ *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 99. Показателен пассаж Тынянова в романе о Пушкине: «В одной из книжек, отнятых у Пушкина, нашлись даже отрывки, озаглавленные: “Завещание”. Отрывки принадлежали площадному висельнику, парижскому богохулу, кабацкому повесе Франсуа Вийону, история которого была вкратце рассказана как анекдот» (Тынянов Ю. Н. Соч.: В 3 т. М., Л., 1959. Т. 3. С. 289). Возможно, Тынянов имел в виду популярную хрестоматию «*Annales poétiques, ou Almanach des muses, depuis l'origine de la poésie française*» (Paris, 1778), где баллады и отрывки из «Большого завещания» сопровождалась краткой статьёй о жизни и писаниях Вийона (Vol. 1. P. 143—182).

фоне других поэтов XV в., несмотря на свои строгие поэтические принципы: «Неловкий, грубый стих тех варварских времен / Впервые выравнял и прояснил Вильон». ¹⁷ Стих Вийона, конечно, плох, по мнению Буало, но тем не менее именно он первый «выравнял» этот стих, то есть сделал его стихом. Возможно, Пушкину было известно и упоминание Вийона у Рабле, который в 4-й части «Пантагрюэля» писал, что Вийон «сочинил “в стихах” одну из “Страстей”», «дабы повеселить народ...». ¹⁸

Не потому ли Вийон стал «первым французским поэтом, которого Пушкин называет по имени»? ¹⁹ В незаконченной поэме 1813 г. «Монах» он сравнивает с Вийоном Баркова, и отнюдь не случайно: «А ты, поэт, проклятый Аполлоном, / Испачкавший простенки кабаков, / Под Геликон упавший в грязь с Вильоном...» ²⁰ и т. д. Для четырнадцатилетнего Пушкина Вийон — поэт уровня Баркова. Как и Барков, он лишен таланта: он «проклят Аполлоном». Как и Барков, он пьяница, автор непристойных стихов, постоянный посетитель кабаков. Как и Барков, он не раз был сечен розгами за пьянство и хулиганские выходки. ²¹

Хотя приведенные сведения не дают достаточных оснований для утверждения, что о «ребятах без печали» Пушкин узнал через Вийона, все же, как представляется, не стоит полностью исключать и эту версию.

Следующая проблема связывает строфу «Но мы, ребята без печали...» с Одессой. Это было непростое для Пушкина время, но вместе с тем одесский период сохранился в сознании поэта как обладающий необычным очарованием и прелестью. Как пишет

¹⁷ Буало Н. Поэтическое искусство. М., 1957. С. 60; пер. Э. Л. Линецкой. В оригинале: «Villon sut le premier, dans ces siècles grossiers, / Débrouiller l'art confus de nos vieux romanciers» (Œuvres complètes de Boileau Despréaux. Paris, 1809. Т. 1. Р. 316).

¹⁸ Rabelais Fr. Œuvres. Paris, 1823. Vol. 6. Р. 103–114 (здесь описывается месть Вийона монастырскому ризничему, который не пожелал предоставить церковные облачения для постановки мистерии о Страстях Господних).

¹⁹ Томашевский Б. В. Пушкин и французская литература // Литературное наследство. М., 1937. Т. 31–32. С. 17. В библиотеке Пушкина сохранилось четверехтомное издание (в двух книгах) «Курса французской литературы» профессора Сорбонны, основательного знатока Франции XV–XVII вв. Абеля-Франсуа Вильмена. Это издание выходило в Париже с 1829 по 1831 г. В первом томе несколько страниц посвящены Вийону и обстоятельствам его жизни.

²⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 14.

²¹ См.: Ходяков М. В., Ходяков О. А. Знаменитые универсанты: Питомцы Санкт-Петербургского—Петроградского—Ленинградского университета. СПб., 2002. С. 22; Гончаренко Н. А. «В науках отметить себя может»: И. С. Барков // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб., 2005. Т. 3. С. 7.

П. В. Анненков, «пестрое, разноплеменное народонаселение Одессы, ее театры, французские рестораны, море, ее омывающее и приносящее толпы иностранцев вместе с товарами и известиями из Европы, вскоре примирили его с новым местопребыванием».²² Пожалуй, нигде и никогда Пушкин не вел столь разгульного образа жизни: обеды в ресторанах с шампанским, регулярное посещение итальянской оперы, прогулки в порт, общение на кораблях с моряками, окончание дня в казино, где он иногда сидел в кишиневском архалуке и феске. И наконец, новые знакомства: «Итак, я жил тогда в Одессе / Среди новоизбранных друзей» (VI, 471). В этой связи стоит вспомнить пушкинскую компанию, с которой он пировал у Отона: «Кружок этот состоял из поэта Василия Ивановича Туманского (чиновник особых поручений при графе Воронцове), г. Шварца (также состоявшего при графе), Кесаря Осиповича Понятовского и, кажется, графского адъютанта Варламова».²³

Разгульная и яркая жизнь в Одессе предоставила Пушкину повод сравнить ее с жизнью «enfant sans souci», хотя, конечно, компании, с которой Пушкин тогда общался, его «новоизбранным друзьям», было далеко до уровня «беспутности» парижских «беззаботных ребят».

Когда моя заметка была почти готова, я встретила с давней статьёй Ю. Н. Чумакова «Состав художественного текста “Евгения Онегина”». Она была опубликована в 1970 г. в псковском «Пушкинском сборнике». В ней исследователь характеризует Одессу Пушкина как карнавальную. Время написания этой статьи — самое «бахтинское» время. Это время бесконечных докладов и работ о карнавальности, появившихся в связи с вышедшей в 1965 г. книгой Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса», в которой упоминаются и «беззаботные ребята».²⁴ «Одесса возникает в чертах истинной карнавальности, — пишет Ю. Н. Чумаков. — Автор постоянно слит с экзотической толпой, наполняющей улицы, площади, рестораны, театр. Беззаботное царство веселой относительности, фамильярный контакт всего со всем, гротескные сдвиги — такова Одесса Пушкина».²⁵

²² Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1855. С. 92.

²³ Бутурлин М. Д. Записки. 1824—1827 // Русский архив. 1897. № 5. С. 16.

²⁴ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965. С. 42.

²⁵ Чумаков Ю. Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина» // Пушкинский сборник. Псков, 1970. С. 28.

Может быть, именно поэтому автор статьи и сделал единственное встретившееся мне примечание к «ребятам без печали»: «Эта калька с французского — *enfantssans souci* <sic!> — совершенно в карнавальном стиле. “Ребята без печали” — название средневекового шутовского общества».²⁶

«В сущности, каждое знакомство оставляет свой след, — писал Б. В. Томашевский. — Поэтому заранее на вопрос, влиял ли такой-то писатель на позднейшего, можно ответить: да, влиял, — но весь вопрос в том, как влиял». Перечислив далее ряд французских литераторов, в том числе и Вийона, Томашевский отмечает, что «обыкновенно в словах Пушкина не чувствуется своего самостоятельного подхода к ним, выработанного непосредственным знакомством с этими поэтами, — а просто отражаются ходячие взгляды на них».²⁷ Так, по-видимому, случилось и с «ребятами без печали», галлицизмом, попавшим в текст, возможно, незаметно для самого Пушкина и совсем незаметно для его читателей.

Е. В. Душечкина

²⁶ Чумаков Ю. Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина». С. 28. Стоит отметить, что в переиздании этой статьи наряду с некоторыми другими изменениями была убрана и сноска на «ребят без печали». См.: Чумаков Ю. Н. Состав художественного текста «Евгения Онегина» // Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999. С. 13–23.

²⁷ Томашевский. Б. В. Пушкин и Буало // Пушкин в мировой литературе: Сб. статей. Л., 1926. С. 13–14.

СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА «АКВИЛОН» К вопросу об историко-литературном контексте

Стихотворение «Аквилон» традиционно рассматривается в литературоведении как свободная вариация «бродячего» басенного сюжета, известного поэту прежде всего в стихотворной обработке Жана де Лафонтена (*La Fontaine*; 1621–1695) «Дуб и тростник» («*Le chêne et le roseau*», 1668), популярной в пушкинское время и неоднократно перелавшейся на русский язык.¹ При этом иссле-

¹ См., например: А. П. Сумароков, «Дуб и трость» (1762); Ю. А. Нелединский-Мелецкий, «<Дуб и трость>» (опубл. 1876); Я. Б. Княжнин, «Дуб и трость» (1787); И. И. Дмитриев, «Дуб и трость» (1795); Д. И. Хвостов, «Дуб и трость» (1802); А. П. Бенитцкий, «Кедр и лоза» (1809); И. А. Крылов, «Дуб и трость» (1805) (Русская басня XVIII–XIX веков / Сост., подгот. текста